

Все театры Новосибирска подготовили ребятам к зимним каникулам подарки — новогодние сказки.

Мне удалось посмотреть два таких спектакля: в «Красном факеле» «Аленький цветочек», пьеса И. Карнаухова и Л. Брусевич по мотивам сказки А. Сакса, постановка заслуженного деятеля искусств К. С. Черняева, и в театре оперетты «Робин Гуд», пьеса С. Зайицкого, музыка М. Карминского, постановка Э. Титковой.

И после того, как я увидела полные залы детворы, следящей за каждым шагом героев на сцене, аплодисментами или громкими репликами «помогите!» артистам, показалось неудобным разбирать построение мизансцен или игру отдельных героев. Например, говорить о том, что засл. арт. РСФСР Л. З. Морозкина нашла интересные краски, чтобы ярко показать и добрую, с уставшим, ласковым голосом няню и лстиво улыбающуюся, светлящую, коварную бабу Ягу. Или сравнивать, какой из Робин Гудов — серьезный, стремительный (арт. И. Трунов) или чуть медлительный, улыбающийся ласково, когда он среди друзей, и насмешливо, когда он в замке шерифа (арт. С. Савич) — точнее передает образ героя.

Главным телеръ представляется другое — общая атмосфера сказки в театрах, которую создали и режиссеры и артисты все вместе.

И в «Красном факеле», где представление полно фантастических превращений, а герои — и Аленушка (арт. Л. Жаркова), и чудовище (арт. В. Иванов), и даже страшная баба Яга (арт. Т. Ломоносова) давно знакомы большинству ребят...

И в театре оперетты, где много ритмического движения, танца и песен. И где увлеченно, точно попадая в атмосферу детской сказки, сердится и плачет шериф Ноттингамский (арт. И. Безуглов) или не ходит, а выступает от глупой важности и надменности Скелетон — секретарь (арт. В. Одинцов)...

И еще очень важным представлялось понять: а что же эти полтора часа сказочного действия прибавят в сознании зрителей.

И тут на помощь пришли сами зрители.

На «Аленьком цветочке» рядом со мной сидел мальчик лет двенадцати. Сидел тихо, прижимая к себе пятилетнего братишку, время от времени поглядывая на сцену, не отрывая взгляда от действия, что-то шептал. А пятилетний зритель отворачивал от сцены

черноглазое встревоженное лицо.

— Боятся? — шепотом спросила я.

— Да, — коротко, стараясь не пропустить ни одной реплики на сцене, ответил старший.

И вдруг пятилетний мальчик на мгновение соскочил с кресла и тут же нырнул под

него, подальше от бабы Яги, лешего и всех кикимор.

Старший с трудом добыл мальчика из-под кресла, успокаивая шепотом: «Это ведь сказка, ведь все понарошке...».

Мы усадили трусоватого зрителя между собой. Я не знала, как помочь горю: тоже говорить, что все это неправда, что на сцене артисты, не хотелось. Не хотелось разру-

На снимке: сцена из спектакля «Робин Гуд». (Слева направо): Сесиль — артистка О. ИВАНОВА, Робин Гуд — С. САВИЧ, Джон — М. ШЛЫКОВА.

шать сказочный мир, в который так поверил малыш. И тогда, не очень надеясь на успех, я шепнула:

— Смотри, Аленушка — девочка, и то не боится, а ты ведь мальчик!

Он как-то недоверчиво посмотрел на меня, но в следующий раз, когда появился леший, а у мальчишки опять предательски дрогнули руки, все-таки усидел в кресле. А когда действие закончилось и зал дружно поаплодировал героям, победившим зло, мой сосед повернулся и сказал с торжеством:

— А леший был настоящий. У него хвост.

Вот! Даже несмотря на то, что леший был настоящий, мальчишка больше не прятался под креслом.

Может быть, в этом и смысл всего, что происходило на сцене?

В театре оперетты притормозила еще одна сторона детского восприятия.

Там в фойе ребят в эти дни встречал Дед Мороз. Он же и открывал занавес. И так, очевидно, слились воедино действующие спектакли и сказочная — вместе с Дедом Морозом — жизнь ребят в антракте, что, когда Дед Мороз пошел на сцену начинать второе дей-

ствие, крохотная зрительница, весь антракт ходившая по пятам за Дедом Морозом, тоже поднялась на сцену, готовая ступить прямо в Шервудский лес. И они вдвоем — Дед Мороз и девочка стояли на авансцене, не зная еще, как же им расстаться.

— Иди в зал. Иначе Робин Гуд не увидит тебя на месте и будет беспокоиться, — нашла, наконец, Дед Мороз.

И она торжественно отправилась на свое место и потом, в самые трудные для Робин Гуда моменты, успокаивала соседей:

— Мы все равно их победим.

И всем было понятно: кто «мы» и кого — «их».

Да, конечно, ребята, побывавшие в эти дни в «Красном факеле», и в театре оперетты, унесут в свою жизнь бесценные крупинки того, из чего складывается убеждение, что надо быть смелым, что справедливость на земле побеждает и что жизнь в праздники может быть освещена чудесным сказочным светом.

Хочется верить, что и «взрослые» театры, встретившись с таким непосредственным зрителем, что-то приобретут для себя.

Н. МАКАРОВА.